

РАЗВИТИЕ ЭВЕНКИЙСКИХ И БУРЯТСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Как известно, среди исследователей тунгусо-маньчжурских и монгольских языков существуют серьезные разногласия по поводу наличия прилагательных как самостоятельной грамматической категории /1,2,3/. Не останавливаясь подробно на данном вопросе, тем более, что автором уже было высказано мнение в защиту "самостоятельности" прилагательных /4/, отмечу только, что эти разногласия имеют под собой определенные основания. Совершенно очевидно, что прилагательные сформировались в родственных группах языков позднее существительных и сохранили с ними более тесную связь в области семантики и морфологии, чем в некоторых других языках, например, в русском. Эта близость к существительным характерна в одинаковой степени как для тунгусо-маньчжурских, так и для монгольских прилагательных, и может быть объяснена родством этих языков на уровне общеалтайского языка. Но именно поэтому интересен и дальнейший путь обособления прилагательных, свидетельствующих о многообразии путей развития языков. Под термином "обособление", в частности, я имею в виду развитие уменьшительных, увеличительных форм, форм суб"ективной оценки, неполноты качества и т.п., а точнее, тех из них, которые образуются грамматическим путем, т.е. путем присоединения особых суффиксов. Сравнительные конструкции, сочетания с наречиями и другие способы здесь не рассматриваются, так как представляют самостоятельный интерес.

В первую очередь следует подчеркнуть, что и внутри рассматриваемых двух групп языков развитие различных форм прилагательных происходило неодинаково. Так, в нанайском языке В.А.Аврорин категорически отрицал наличие степеней сравнения. В "Грамматике нанайского языка" говорится: "... качественные прилагательные способны выражать в различных словосочетаниях различные степени проявления качественных признаков. Однако особых грамматических форм они для этих целей не имеют. Это неопровержимо свидетель-

ствуется о том, что в нанайском языке ... нет грамматической категории степеней сравнения у прилагательных" /1, с.208/.

Однако, возможно, что в каком-то, не очень отчетливо выраженном, зачаточном состоянии, грамматическая форма выражения степени сравнения присутствует и в нанайском языке. Например, суффикс -димэ образует прилагательное улэн-димэ "хороший" от наречия улэн "хорошо". Этот суффикс, очевидно, близкий эвенкийскому суффиксу - дымар/ -тмар/ -мар, обладающему тем же значением: аятмар "лучше", хэгдытмэр "больше", развился из суффикса, обладавшего прежде выделительным значением /3, с.105-107/. Логически такое изменение значения не представляется невозможным, но именно подобные случаи и приводят к разногласиям и различным трактовкам одного и того же явления разными исследователями.

В бурятском языке полностью отсутствуют подобные формы, т.е. формы, обозначающие усиление признака предмета, и в какой-то степени, хотя бы абстрактно предполагающие сравнение этого признака с признаком другого предмета /если нечто "лучше", то обязательно "лучше чего-то"/.

Не одинаково в различных языках тунгусо-маньчжурской группы развивалось согласование прилагательных с существительными по числу, падежу и наличию суффиксов притяжания. В языке ороков наблюдается обязательное согласование прилагательных с существительными в числе: по падежам согласование происходит только в отдельных случаях и только в винительном падеже. Согласование по формам принадлежности полностью отсутствует /5/.

В нанайском языке необходимы особые и притом редко встречающиеся условия, определяющие возможность согласования прилагательного с существительным в падеже, причем это редкое явление определяется как совершенно несвойственное нанайскому языку /1, с.213/. Ограничено также согласование по формам принадлежности, а согласование в числе отсутствует.

В литературном эвенкийском языке прилагательные имеют формы множественного числа /суффиксы -сал, -л и -р/, а также согласуются с существительными по падежам и формам принадлежности /3, с.102/. В большинстве же говоров эвенкийского языка согласование в падеже, а также в форме

принадлежности отсутствует.

Во всех монгольских языках нет никаких видов согласования ни в числе, ни в падеже, ни в формах принадлежности, и прилагательное не имеет никаких форм словоизменения.

Примером неравномерного распространения какого-либо явления внутри разных языков одной группы может служить монгольский суффикс -втар /-втэр, -втор, -втор/, выражающий неполноту, ослабление качества, его меньшую степень: шаравтар "желтоватый", харавтар "черноватый".

Как отмечает Б.Х.Тодаева, употребление суффикса -втар ограничено /б/, хотя вопреки утверждению автора этот суффикс встречается не только с прилагательными, обозначающими цвет предмета, но и с прилагательными, характеризующими и другие качества. Например, хүйтэвтэр "холодоватый", сулавтар "слабоватый".

В бурятском же языке суффикс -бтар "имеет очень широкое употребление как в литературном языке, так и в разговорной речи" /7, с.85/.

Выше уже отмечалось, что в бурятском языке отсутствуют суффиксальные формы, обозначающие усиление признака предмета; однако в том же бурятском языке, так же, как и в эвенкийском, имеется большое количество форм, выражающих уменьшение, ослабление признака, форм, передающих суб"ективную оценку.

Наиболее распространены в бурятском языке суффиксы -бтар /-бтэр, -бтор/ и -шаг /-шэг, -шог, -шиг/, обозначающие неполноту качества. Причем, если суффикс -бтар передает неполноту качества в "чистом" виде, то суффикс -шаг указывает на неуверенность в определении признака или на оттенок цвета, похожий на тот, который обозначен в основе, или вообще передает значение сходства" /7, с.106/. Таким образом, суффикс -шаг обладает не только смягчающим признаком предмета значением, но и может непосредственно указывать на сходство одного предмета с другим: хүн "человек", хүншэг "человекообразный" /7, с.85/. Вполне очевидно, что если один суффикс способен образовывать прилагательные с двумя различными значениями, то вероятно и промежуточное значение, в котором каким-то образом преломляются и отражаются оба предыдущих или же возникает самостоятельный.

третий оттенок, в данном случае оттенок неуверенности.

Подобное явление весьма существенно для понимания процессов развития семантики суффиксов, и его необходимо иметь в виду при рассмотрении и других фактов как в монгольских, так и в тунгусо-маньчжурских языках.

Аналогичным образом возникает и прямо противоположное значение еще одного суффикса бурятского языка, а именно суффикса -рхуу. Основное его значение: "имеющийся в изобилии", "с излишком", "чересчур". Например: шулуун "камень", шулуурхуу "каменистый /изобилующий камнями/": второе значение этого суффикса сходно со значением суффикса -шаг и передает значение уподобления предмета чему-либо. Например, морин "лошадь", морирхуу "похожий на лошадь", "вроде лошади". Но "похожий" - это, хотя и уподобление, но уже неизбежно и ослабление качества - не "такой же, как лошадь". Поэтому и возможно возникновение более абстрактных прилагательных, в которых превалирует уже не значение уподобления, а значение неполноты качества: адли "похожий", "подобный" и адлирхуу "несколько схожий": тиимэ "такой" и тиимэрхуу "довольно похожий", "подобный" /7, с.80: 8, с.113/. Далее возможным становится уже образование и такой формы, как хүйтэрхуу "холодовато" от хүйтэн "холод", "мороз". По поводу последнего примера может последовать возражение, что он образован не от существительного хүйтэн "мороз", а от глагола хүйтэрхэ "холодать", "морозить" при помощи продуктивного суффикса прилагательных -уу. Но этот суффикс не обладает значением неполноты качества, а лишь иногда обозначает наличие признака "без особого оттенка обилия или чрезмерности" /8, с.117/. Причем далеко не со всеми приведенными в указанной работе примерами можно согласиться. Многие из перечисленных там прилагательных образованы не от глаголов, а скорее от прилагательных же: алярхуу "шаловливый" не от алярха "баловаться", а от аляя "резвый": залуурхуу "моложавый" не от залуурха "молодиться", а от залуу "молодой". При этом в последнем примере значение уменьшения признака проявляется вполне отчетливо.

Близок по значению к бурятскому -рхуу эвенкийский суффикс -ргу. Г.М.Василевич рассматривает его для большинства говоров эвенкийского языка в качестве показателя сравните-

льной степени, а для некоторых говоров – как “суффикс, усиливающий значение признака” /9, с.786/. А.В.Романова и А.Н.Мыреева в говорах эвенков Якутии отмечают его как суффикс превосходной степени, а Н.Я.Булатова в говорах эвенков Амурской области характеризует его как выделительный и отмечает его с долгим гласным –ргу /10, с.13/. Видимо, первоначально этот суффикс имел значение выделительности, затем он стал обозначать усиление качества признака, а на следующем этапе развития – превосходную степень, т.е. сначала – ая – аяргу “тот, который хороший”, затем “лучший” и, наконец, “самый лучший”, при этом долгота гласного не везде сохраняется.

Диаметрально противоположными значениями в разных говорах /и даже в одном и том же говоре/ наделяют исследователи суффикс прилагательного –чирā, –чирē. В зейском, учурском, урмийском говорах Г.М.Василевич трактует его как уменьшительный суффикс /9, с.798/: А.В.Романова и А.Н.Мыреева рассматривают его в учурском говоре как усилительно–сравнительный суффикс /11/, Н.Я.Булатова – как суффикс, обозначающий разную степень насыщенности того или иного признака /10, с.12/.

Таким образом, и в монгольских, и в тунгусо–маньчжурских языках мы видим довольно–таки хаотичную картину как в значениях суффиксов, так и в их трактовке различными исследователями. Очевидно, нет необходимости лишний раз подчеркивать, что любая точка зрения опирается на определенные объективные факты языка, и разногласия в трактовке вызваны сложностью исследуемого материала. В настоящей работе не ставится целью уточнение значений суффиксов в двух группах языков. Напротив, для наших целей важнее и даже, если можно так выразиться, нужнее именно зыбкость, неустойчивость отмеченных значений небольшого количества суффиксов прилагательных. Число этих суффиксов и, соответственно, число точек зрения на их значения можно было бы увеличить. На некоторых примерах бурятского и эвенкийского языков я только хотел показать механизм возможного изменения значения отдельных суффиксов. Выводы из приведенных фактов будут сделаны далее. Так, например, бурятский суффикс –шаг обозначает неполноту качества или передает значение сходства, а эвенкийский

суффикс -тмар передает значение усиления /или сравнения/ или же имеет выделительное значение.

Вместе с тем существует еще один суффикс, который обладает рядом общих черт как в эвенкийском, так и в бурятском языках. Это уменьшительно-ласкательный суффикс -хан /в бурятском/ и -кән /в эвенкийском/.

В бурятском языке уменьшительно-ласкательному суффиксу -хан /-хэн, -хон/ отводится особое место среди других суффиксов. "Этот суффикс,- говорится в "Грамматике бурятского языка", - в своем роде универсальный, так как он присоединяется не только к прилагательным, но и к существительным, местоимениям, числительным все с тем же уменьшительным оттенком значения" /10, с.125/. Иные оттенки значений у этого суффикса возникают в единичных случаях и зависят от семантики основы. В этом отношении показательно, что из трех примеров, приведенных У.-Ж.Ш.Дондуковым /7, с.84/, как передающих оттенок "уточнения или преувеличения", только один может быть признан правомерным: адли "одинаковый", адлихан "совершенно одинаковый", "совсем похожий", но, например, форма арюухан "очень чистый" от арюун "чистый" в словаре К.М.Черемисова переводится как "чистенький", "опрятненький" /12/. Третий же пример - эдыхан "всего лишь столький" от эды "столький" явно имеет уменьшительное значение, на что указывает как перевод этой формы самим У.-Ж.Ш.Дондуковым, так и словарная помета "уменьш." К.М.Черемисова. Зато большой интерес представляет констатация У.-Ж.Ш.Дондуковым того факта, что суффикс -хан крайне редко образует прилагательные от глагольных основ /7, с.84/. Таким образом, суффикс -хан можно считать по преимуществу именным суффиксом, что также весьма существенно для дальнейших выводов.

В эвенкийском языке суффикс -кән /кэн, -көн/, являясь уменьшительно-ласкательным суффиксом, также употребляется с именными основами /9, с.759/.

Очень важно и замечание О.А.Константиновой о том, что элемент "к" является "древнейшим элементом, участвующим в образовании суффиксов /формообразующих и словообразовательных/" /3, с.114/.

И, наконец, мнение о родственных отношениях между бу-

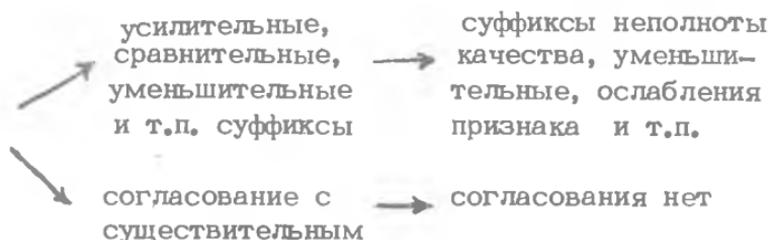
бурятским -хан и эвенкийским -кан высказывалось Г.И.Рамsted-
том /13/.

Итак, из рассмотренных различных форм прилагательных материальное сходство выявляется в двух суффиксах. Суффиксы -кән и -хан вызывают наименьшее количество разногласий среди исследователей.

Вместе с тем и формы с этим суффиксом и все другие формы прилагательных обеих групп легко укладываются в простую схему, если все приведенные выше факты расположить в определенной последовательности. При этом за исходное принимаются нерасчлененные общеалтайские формы существительное/прилагательное.

Для большей наглядности этапы развития прилагательных можно представить таким образом:

нерасчлененные формы сущ./прил. → те же формы сущ./прил. с суфф.-кән, -хан → закрепление этих форм в позиции перед определяемым

Следующим, вторым этапом, очевидно, следует считать возникновение уменьшительного суффикса, который обладал способностью присоединяться к этим, все еще нерасчлененным словоформам. Впоследствии этот суффикс и дал эвенкийский вариант -кән и бурятский -хан. Собственно выделение прилагательных началось на третьем этапе, также общим как для тунгусо-маньчжурских, так и для монгольских языков. И первым признаком обособления прилагательного явилось закрепление его в позиций перед существительным в роли определения. Эта характерная черта прилагательных достаточно последовательно выдерживается в языках обеих групп и часто служит основным и единственным признаком прилагательного. Естественно, что

и на этом, третьем, этапе уменьшительный суффикс сохранился и, возможно, был единственным суффиксом прилагательного.

После этого, третьего, этапа начинается самостоятельное развитие прилагательных тунгусо-маньчжурских и монгольских языков. В тунгусо-маньчжурских языках на четвертом этапе развились усилительные, сравнительные и уменьшительные формы. В монгольских языках развитие получили лишь уменьшительные формы, передающие значение ослабления признака и неполноты качества. Сравнительные и усилительные формы не образовывались, а передача этих, необходимых для прилагательных, признаков происходила при помощи сравнительных конструкций, которые развивались и в тунгусо-маньчжурских языках.

На этом этапе развитие прилагательных монгольских языков закончилось. А тунгусо-маньчжурские прилагательные вступили в пятый этап, на котором стало развиваться согласование прилагательных с существительными в числе и падеже, так и не возникшее в монгольских языках.

Таким образом, расхождения в значениях суффиксов и различия в формах согласования с существительными в разных языках и диалектах тунгусо-маньчжурской группы объясняются более поздним образованием упомянутых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т.1. М.-Л., 1959.
2. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Часть 1. М.-Л., 1960.
3. Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964.
4. Чарков С.Л. О некоторых непроизводных наречиях в алтайских языках.- В кн.: Лингвистические исследования. 1978. Проблемы грамматического строя языка. М., 1978, с.170.
5. Петрова Т.И. Язык ороков /ульта/. Л., 1967.
6. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, с.83.
7. Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.
8. Грамматика бурятского языка, Фонетика и морфология. М., 1962.
9. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
10. Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. АКД.
11. Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки учурского, майского и томмотского говоров. М.-Л., 1964.
12. Бурятско-русский словарь. М., 1973, с.62.
13. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 186.